

Джуди Баталион

Свет грядущих дней

*Неизвестные истории женщин — участниц Сопротивления
в гитлеровских гетто*

С английского. Перевод Ирины Дорониной

*Посвящается светлой памяти моей бабули Зельды
и моим дочерям, Зельде и Билли. L'dor v'dor... Chazak
V'Amatz¹.*

*Всем польским еврейкам, участвовавшим
в сопротивлении нацистскому режиму.*

Варшава, с заплаканным лицом,
С могилами на каждом уличном углу,
Переживёт своих врагов
И увидит свет грядущих дней.

*Из «Молитвы» — песни, посвященной восстанию
в Варшавском гетто и завоевавшей первую премию
на песенном конкурсе, состоявшемся в гетто. Песня
написана еврейской девушкой накануне смерти,
опубликована в книге «Женщины в гетто»².*

Вступление: сорвиголовы

В читальном зале Британской библиотеки пахло старыми книгами. Я смотрела на стопку заказанных мною изданий о женщинах в истории и взбадривала себя: книг *не слишком* много, нетрудно *одолеть*. Та, что лежала в самом низу, была наиболее необычной: в твердом переплете, обтянутом потрепанной синей тканью, с пожелтевшими необрезанными краями. Я открыла ее первой и увидела две сотни страниц... на идише. Этот язык я знала, но не пользовалась им более пятнадцати лет.

Джуди Баталион родилась в Монреале, с детства говорила на английском, французском, иврите и идише. Автор книги *White Walls: A Memoir About Motherhood, Daughterhood, and the Mess in Between* («Белые стены: воспоминания о материнстве, детстве и неразберихе между ними»). Эссе печатались в *New York Times*, *Washington Post*, *Forward*, *Vogue* и многих других изданиях. Имеет гарвардскую степень бакалавра по истории науки и степень доктора по истории искусств, полученную в Институте истории искусства Лондонского университета; работала музейным куратором, преподавала в университете. Живет в Нью-Йорке.

¹ От поколения к поколению... Будьте сильными и смелыми... (*иврит*) (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

² Freuen in di Ghetto (NY, 1946, на идиш).

Я уже было решила положить книгу обратно в стопку. Но что-то заставило меня начать листать ее, я прочла несколько страниц. Потом еще несколько. Я ожидала скучных агиографических плачей и туманных талмудистских дискуссий о женской стойкости и отваге, но вместо этого нашла рассказы о женщинах и... диверсиях, ружьях, маскировке, динамите. Это был настоящий триллер.

Неужели все описанное правда?

Я была потрясена.

* * *

Я давно искала образы сильных еврейских женщин.

<...> Той весной 2007 года, в Лондоне, я пришла в Британскую библиотеку, чтобы найти дополнительную информацию о Хане Сенеш, поискать более подробные свидетельства о ее личности. Как выяснилось, о ней написано не так уж много книг, поэтому я заказала все, в которых упоминалось ее имя. Одна из них оказалась на идише. И я чуть было не отложила ее, не прочитав.

Вместо нее я сначала взяла другую, «Женщины в гетто» («Freuen in di Ghettos»), опубликованную в Нью-Йорке в 1946 году, и стала перелистывать страницы. В 185-страничной антологии Хана упоминалась только в последней главе. До этого 170 страниц были наполнены историями других женщин — десятков неизвестных молодых евреек, которые боролись против нацистов, большинство из них жили в польских гетто. Эти «девушки из гетто» подкупали гестаповских надзирателей, прятали пистолеты в буханках хлеба и помогали строить системы подземных бункеров. Они флиртовали с нацистами, соблазняли их вином, виски, сладостями и, притупив их бдительность, убивали. Они занимались шпионажем для Москвы, изготавливали фальшивые документы, подпольно печатали листовки и распространяли правду о том, что происходило с евреями. Они помогали больным и учили детей, взрывали немецкие железнодорожные линии и виленскую систему электроснабжения. Одевшись не по-еврейски, они нанимались горничными в дома арийской части города, помогали евреям бежать из гетто по канавам и дымоходам, выдалбливая отверстия в стенах и пробираясь по крышам. Они давали взятки карателям, слушали подпольное радио и писали радиобюллетени, поддерживали моральные стандарты в общине, вели переговоры с польскими землевладельцами, хитростью подбивали гестаповцев пронести чемоданы, набитые оружием, через контрольные посты, организовали анти-нацистскую группу в среде самих нацистов и, разумеется, участвовали в общем руководстве подпольем.

За все годы своего еврейского образования я никогда не читала ничего столь потрясающего по обыденности подробностей повседневной жизни и одновременно по беспримерной отваге воюющих женщин. Я понятия не имела ни о том, как много евреек участвовало в Соппротивлении, ни о том, как велик был их вклад в борьбу.

Эти документальные очерки не просто потрясли меня, они тронули меня лично, перевернули мои представления об истории моего народа. Я происхожу из семьи польских евреев, переживших Холокост. Моя бабуля Зельда (в честь которой я назвала свою старшую дочь) не участвовала в Соппротивлении, и мое понимание выживания сформировалось под воздействием истории ее успешного, но трагического спасения. Она — с ее высокими скулами и курносый носиком совсем не похожая на еврейку — бежала из оккупированной Варшавы, вплавь перебралась через несколько маленьких речек, пряталась в монастыре, пофлиртовала с каким-то нацистом, который посмотрел сквозь пальцы на то, как она забиралась в грузовик, перевозивший апельсины на восток, и в конце концов нелегально перешла границу с Россией, где — по иронии судьбы — жизнь ей спасло то, что она была отправлена в сибирский трудовой лагерь. Моя бабуля была сильной, как бык, но она потеряла родителей и трех из четырех своих сестер, все они остались в Варшаве. Эту жуткую историю со слезами ярости в глазах

она рассказывала мне каждый день, когда мы бывали с ней дома одни после моего возвращения из школы. Монреальская еврейская община, в которой я выросла, состояла в основном из семей, которым удалось спастись от Холокоста; их истории, так же, как история моей семьи, исходили той же болью и теми же страданиями. Мои гены были проштампованы — даже изменены, как полагают современные нейробиологи, — травмой. Я росла, окруженная аурой перенесенных мучений и страха.

А здесь, в этой книге, была описана другая история женщин военного времени, и она меня ошеломила. Здесь речь шла о женщинах, которые действовали с яростью и мужеством, даже с жестокостью, занимаясь контрабандой, добывая секретную информацию, устраивая диверсии и участвуя в боях; они гордились своей опасной деятельностью. Авторы этой книги не взывали к состраданию, они славил активность и бесстрашие. Женщины, зачастую умиравшие от голода и пыток, проявляли храбрость и дерзость. У некоторых из них была возможность спастись бегством, но они ее отвергли, а иные даже предпочли вернуться в это пекло и сражаться. Моя бабуля была моей героиней, но что было бы, если бы она решила рискнуть жизнью, остаться и принять участие в борьбе? Меня преследовал вопрос: как бы поступила я в подобной ситуации? Боролась бы или убежала?

* * *

Поначалу я думала, что несколько десятков женщин — бойцов движения Сопротивления, упомянутые в книге, исчерпывают их общее число. Но стоило мне углубиться в эту тему, как невероятные истории о женщинах, участвовавших в борьбе, стали появляться из каждого угла, я находила их в архивах, каталогах, получала от незнакомцев истории жизни их семей по электронной почте. Я обнаружила десятки женских воспоминаний, опубликованных маленькими издательствами, и сотни личных свидетельств, относящихся к периоду от 1940 года до наших дней, написанных на иврите, польском, русском, немецком, французском, голландском, датском, греческом, итальянском и английском языках.

Ученые, изучающие трагедию Холокоста, спорили, что «можно считать» явлениями еврейского Сопротивления. Многие давали этому явлению самое широкое определение: любое действие, утверждающее человеческое достоинство еврея, любое персональное или коллективное действие, даже непреднамеренное, которое отрицает политику и идеологию нацизма, — пусть это будет даже просто сохранение собственной жизни. Другие считали, что такое слишком общее определение умаляет заслугу тех, кто рисковал жизнью, активно противодействуя режиму, и что есть разница между сопротивлением и сопротивляемостью.

Проявления непокорности в среде польских евреек — мои изыскания сосредоточивались на Польше — имели очень широкий диапазон: от изощренно продуманных и тщательно распланированных операций вроде накопления большого количества динамита и устройства диверсий до простых и произвольных действий, иногда напоминавших фарс, — с маскировкой, переодеваниями или когда кто-то, кусаясь и царапаясь, всего лишь вывертывался из рук фашистов. Для многих целью было — прятать евреев; для других — умереть с достоинством и передать это достоинство в наследство потомкам. В книге «Женщины в гетто» освещалась деятельность «женщин-борцов» — подпольщиц, вышедших из еврейских молодежных организаций и работавших в гетто. Эти молодые женщины были бойцами, издателями подпольных бюллетеней и социальными активистками. В частности женщины составляли подавляющее большинство связных, или курьеров, игравших особую роль в самом сердце всех операций. Они переодевались, выдавая себя за неевреек, и перемещались между огороженной зоной гетто и остальной частью города, тайно переправляя людей, собирая информацию, переноса деньги, документы, оружие, — многое из всего этого они добывали сами.

Кроме того, еврейки убегали из гетто в леса и присоединялись к партизанским отрядам, в составе которых совершали диверсии и ходили в разведку. Случались единичные, «неорганизованные» акты сопротивления. Некоторые польские еврейки вступали в иностранные отряды Сопротивления, между тем как другие работали в польском подполье. Женщины создали сеть убежищ, чтобы помогать евреям прятаться и бежать. И наконец, они сопротивлялись морально, духовно, сохраняя и помогая другим сохранять свою культуру и национальную идентичность: распространяли еврейские книги, шутками подбадривали тех, кого спасали, обнимали и согревали своим теплом соседей по баракам, устраивали бесплатные столовые для сирот. Иногда эта деятельность была организованной, публичной, хоть и незаконной, иногда — сокрытым делом частных лиц.

Через несколько месяцев после начала своего исследования я столкнулась с тем, что обладаю настоящим сокровищем для писателя, которое в то же время представляет для него вызов: я собрала невероятных историй сопротивления больше, чем могла бы себе представить. Как мне было выбрать среди них главных героинь и уместить весь материал в одну книгу?

В конце концов я решила последовать примеру той книги, которая меня вдохновила, *Freuen*, в фокусе которой — женщины из молодежных организаций «Свобода» (Dror) и «Юный страж» (Hashomer Hatzair), ставшие участницами Сопротивления в гетто. Центральный и самый большой ее фрагмент написан связной, которая подписалась именем «Реня К.». Реня вызвала во мне чувство личной симпатии — не потому, что была самой известной, боевой или харизматичной, а как раз по противоположной причине. Реня не была ни идеалисткой, ни революционеркой, она была здравомыслящей девушкой из среднего класса, внезапно очутившейся в бесчеловечной ситуации, и оказалась на высоте, движимая внутренним чувством справедливости и гневом. Меня захватили ее потрясающие рассказы о тайных переходах границ, контрабандных доставках гранат, о других подробностях ее подпольной работы. В двадцатилетнем возрасте Реня описала опыт предыдущих пяти лет своей жизни в спокойно-сдержанной, раздумчивой прозе, блестящей короткими живыми характеристиками, откровенными впечатлениями и даже остроумием.

Позднее выяснилось, что очерк Рени в *Freuen* — это отрывок из длинной рукописи воспоминаний, которую она написала по-польски и которая была в 1945 году издана на иврите в Палестине. Ее книга стала одним из первых (некоторые считают, что самым первым) «полнометражных» личных повествований о Холокосте. В 1947 году еврейское издательство, расположенное в центре Нью-Йорка, выпустило ее английскую версию с предисловием знаменитого переводчика. Но вскоре после этого и сама книга, и мир, в ней описанный, канули в забвение. Ее название мелькало иногда лишь в случайных упоминаниях или в примечаниях к трудам ученых. И я решила перевести историю Рени из примечаний в основной текст, приподнять завесу над этой безымянной до поры женщиной, продемонстрировавшей поразительное мужество. Чтобы понять широту и размах женской отваги, я глубоко внедрилась в ее рассказы о сопротивлении польских евреек из разных подпольных движений, выполнявших всевозможные миссии.

* * *

Еврейский фольклор изобилует историями о победах слабейшего: Давид и Голиаф, израильские рабы, добившиеся у фараона разрешения на Исход, свержение маккавеями греко-сирийского владычества.

Здесь история другая.

Сопротивление польских евреев не одержало особенно громких побед, если рассуждать в военных терминах — убитых нацистов и спасенных евреев.

Но *усилия*, которые они приложили, сопротивляясь, были больше и лучше

организованы, чем я себе могла даже представить, и конечно, они были колоссальными по сравнению с теми рассказами о Холокосте, с которыми я выросла. Вооруженные подпольные еврейские группировки действовали более чем в девяноста восточноевропейских гетто. «Мелкие диверсии» и восстания имели место в Варшаве, а также в Бендзине, Вильно, Белостоке, Кракове, Львове, Ченстохове, Сосновце и Тарнове. Вооруженные бойцы еврейского Сопротивления совершали побеги минимум из пяти главных концлагерей и лагерей смерти, в том числе из Освенцима, Трешлинка и Собибора, а также из восемнадцати лагерей принудительного труда. Тридцать тысяч евреев сражались в лесных партизанских отрядах. Организованная еврейская сеть оказывала финансовую поддержку двенадцати тысячам прятавшихся евреев только в Варшаве. И это не считая бесконечных примеров ежедневных актов неповиновения.

Почему, спрашивала я себя, я никогда обо всем этом не слышала? Почему я никогда не слышала о сотнях, даже тысячах еврейских женщин, которые участвовали во всех формах этого сопротивления, а иногда и возглавляли его? Почему *Freuen* — название, которое почти никому ничего не говорит, вместо того чтобы входить в список классической литературы о Холокосте?

Как я убедилась, многие факторы, как личные, так и политические, повлияли на то, какими путями шло развитие знания о Холокосте. Наша коллективная память формировалась под эгидой всеобщего сопротивления Сопротивлению. Молчание — способ повлиять на восприятие и переориентировать власть, и оно по-разному десятилетиями действовало в Польше, Израиле и Северной Америке. Молчание — также средство для того, чтобы справиться и жить дальше.

Но даже когда рассказчики шли против течения и публиковали истории о Сопротивлении, женщинам в них уделялось мало внимания. В редких случаях, когда авторы все же включали женских персонажей в свои сочинения, те чаще всего изображались по известным шаблонам. В захватывающем телефильме 2001 года «Восстание» — о Варшавском гетто — женские персонажи присутствуют, но в классически искаженном виде. Большей частью это второстепенные действующие лица, «подруги» героев. Единственная активно действующая женщина в фильме — Тося Альтман, и хотя показано, как она бесстрашно перевозит оружие для подпольщиков, сама она изображена как красивая робкая девушка, заботящаяся о своем больном отце, со всегда широко открытыми наивными глазами и кроткой речью, девушка, которую просто подхватило общим вихрем Сопротивления. На самом деле Тося была одним из лидеров «Юного стража», молодежного движения, существовавшего еще до войны; ее биограф подчеркивает, что она пользовалась репутацией энергичной «эффектной и дерзкой девушки». Переписав ее биографию, авторы фильма не просто исказили ее характер, но и стерли, словно ластиком с бумаги, целый мир еврейского женского образования, воспитания и труда, который сформировал Тосю.

Нет нужды говорить, что еврейское сопротивление нацистам в Польше не являлось радикальной сугубо женской, так сказать, феминистской миссией. Мужчины были бойцами, лидерами и военными командирами. Но благодаря принадлежности к женскому полу и умению маскировать свое еврейство, женщины уникально подходили для некоторых важнейших и опасных для жизни заданий, в особенности для роли связных. Как сказала участница Сопротивления Хайка Гроссман: «Еврейские девчонки были главным нервом Движения».

* * *

Знаменитый летописец Варшавского гетто Эмануэль Рингельблюм писал о девушках-связных того времени: «Без звука, без малейших колебаний, они брали на себя и выполняли самые опасные задания... Сколько раз смотрели они в глаза смерти!.. Деяния еврейских женщин станут славной страницей в истории еврейства времен нынешней войны».

Тогда, в 1946 году, единственной целью *Freuen* было рассказать американским евреям о невероятных усилиях еврейских женщин из гетто. Авторы книги просто хотели, чтобы имена этих женщин стали «домашними» для читателей, предполагая, что будущие историки создадут полную и подробную карту этой удивительной территории. Ружка Корчак написала: эти истории участия еврейских женщин в Соппротивлении являются «нашим великим национальным достоянием» и должны стать существенной частью еврейского фольклора.

Но и семьдесят пять лет спустя их героини по-прежнему остаются безвестными, а страницы о них в книге вечной памяти ненаписанными.

Так было до сих пор.

«Это были не люди — наверное, дьяволицы или богини. Невозмутимые. Ловкие, как циркачки. Часто они палили из пистолетов с обеих рук. Свирепые в бою до самого своего конца. Приближаться к ним было опасно. Одна девушка из Гехалуца, будучи схваченной, казалась испуганной. Окончательно смирившейся. А потом вдруг, когда группа наших подошла к ней на расстояние нескольких шагов, выхватила из-под юбки или из-за пояса рейтуз ручную гранату и положила всех эсэсовцев, осыпая их отборной бранью до десятого колена, — у вас волосы встали бы дыбом! Мы терпели большие потери от подобных ситуаций, поэтому я отдал приказ не брать девушек в плен, не подпускать их к себе на близкое расстояние, а издали расстреливать из пистолетов-пулеметов».

Нацистский командир Юрген Струп

Глава 19

«Свобода» в лесах — партизаны

*Реня, Фая, Витка и Зельда,
июнь 1943*

Заканчивалась весна 1943 года, когда голубоглазый блондин Марек Фольман вернулся в Бендзин из Варшавы в возбуждении от недавнего восстания и собственного успеха. Несколькими месяцами раньше Марек с братом под видом поляков вступили в партизанский отряд, действовавший на территории центральной Польши. Партизаны нападали на немецкие казармы, закладывали мины под военные составы, поджигали административные здания. Брат Марека трагически погиб — был убит в перестрелке, — но погиб, сражаясь. Реня слушала рассказы Марека, и каждое слово ей казалось чудом.

Теперь у Марека был план. Его партизанский отряд не принимал евреев, но он был на связи с польским офицером по кличке Соха, тот хотел помочь заглембским евреям присоединиться к местным отрядам, которые согласились бы их принять. Соха с семьей жил в Бендзине.

Весь кибуц пришел в возбуждение. Поначалу их философией было — бороться в гетто как евреи. Но по мере того как ликвидации набирали силу и шансы на эффективное восстание иссякали, у товарищей оставался небогатый выбор. Присоединиться к партизанам означало получить золотую возможность действовать. Они пытались войти в контакт с партизанскими отрядами, но ни одна попытка не увенчалась успехом.

Кем был этот поляк, выразивший желание им помочь? Марек и Цви Брандесу поручили прояснить ситуацию. Они отправились в скромную квартиру Сохи. Дети, плачущие от голода, жена — типичная крестьянка, обычное трудовое семейство. Соха произвел на ребят положительное впечатление.

И они сказали — да. Мы пойдем с тобой.

ZOB решил послать по несколько членов от каждого движения. Только мужчин, у некоторых было оружие. Им предстояло выйти из гетто, снять свои еврейские звезды и в условленном месте встретиться с Сохой, который должен был вывести их в лес. Ребят попросили дать знать, когда они придут на место.

Через неделю, показавшуюся необычайно долгой, прошел слух, что Соха вернулся в город. Члены кибуца не хотели давать ему свой адрес, поэтому Марек сам в волнении отправился к нему домой.

У Сохи были хорошие новости: товарищи благополучно прибыли на место, и их приняли с распростертыми объятиями. Они каждый день совершают вместе с остальными вылазки против немцев. Соха извинился: все были так взволнованы, что забыли написать.

Наконец! Воодушевленные, члены ZOB'a приготовились к отправке второй группы. В преддверии неминуемой депортации все умоляли включить их в нее. В том числе Реня, которой не терпелось что-то *делать*, действовать, бороться.

Огласили список. От «Юного стража»: возлюбленный Хайки Клингер, активист Давид Козловский, а также Хеля Касенгольд, которую Хайка охарактеризовала как символ военного поколения девушек: «Ее — в высоких сапогах, в галифе, с пистолетом — трудно было принять за женщину». От «Свободы»: Цыпора Мардер и пять мужчин. И еще один приютский мальчик из «Атида». И снова уходящих просили написать, когда они доберутся до места, и сообщить, когда можно готовить следующую группу. Оставшиеся, с завистью, но исполненные надежды, наблюдали, как новая группа упаковывает спичечные коробки с пулями; все выпили водки в честь события.

Однако Реня была убита, не обнаружив себя в списке. Фрумка и Хершель объяснили ей, что она нужна ZOB'у, чтобы совершить несколько вояжей в Варшаву за оружием, особенно теперь, когда бойцы, отправляясь в лес, забирают с собой оружие. Только после этого Реня тоже сможет уйти в партизаны.

Реня вздохнула. Она все понимала. Но как бы ей хотелось, как она надеялась участвовать в активной борьбе!

* * *

Вступить в партизанскую бригаду было невероятно сложно, особенно еврейской женщине. Хотя существовало много партизанских отрядов, каждый со своим «символом веры» и философией, в двух вещах сходились все. Во-первых, они не принимали евреев, по националистическим соображениям — точнее, из-за антисемитизма — или просто потому, что не верили, будто евреи смогут сражаться. Большинство евреев приходили в леса без оружия и военной подготовки, в состоянии острого физического и морального расстройства, и их рассматривали как обузу. Во-вторых, женщины не считались «боевым ресурсом» и годились, как было принято полагать, только для стирки и ухода за ранеными.

Несмотря на это, около тридцати тысяч евреев влилось в партизанское движение, зачастую скрывая свое еврейство или двойным усердием завоевывая себе место в отряде. Десять процентов из них составляли женщины. Большинство еврейских женщин сражались в отрядах, действовавших на востоке; их побег обычно планировался заранее. Вступление в партизаны зачастую было для них единственным шансом выжить, поэтому они с готовностью рисковали.

А опасным для жизни было уже само попадание в партизанский лагерь. В женщине могли распознать еврейку и сдать ее полиции или убить по дороге из-за антисемитизма, подхлестнутого политикой нацистов. Партизаны нередко стреляли без разбору в любого чужака, в том числе в евреев-беглецов. В некоторых партизанских соединениях женщин подозревали в том, что они нацистские шпионки. Одному

партизанскому командиру сказали, будто гестапо послало несколько женщин отравить их продуктовые запасы, поэтому его отряд расстрелял целую группу евреек, приблизившихся к месту его расположения. Леса кишели бандитами, шпионами, нацистскими коллаборационистами и враждебно настроенными крестьянами, которые боялись немцев. Партизаны и сами могли проявлять жестокость. Многие женщины насиловали.

Большинство довоенного еврейского населения Польши было городским. Для них лес с его зверями и насекомыми, водоемами и болотами, ледяными зимами и знойными летами был другой вселенной, постоянно причиняющей физический и психологический дискомфорт. Женщин там ждали одиночество и незащищенность. Партизаны, обычно называвшие женщин «шлюхами», нередко отсылали их обратно, если те не обладали медицинскими навыками или умениями стряпухи — или не были достаточно привлекательными. Большинство евреек, будучи зависимыми от мужчин, вынуждены были торговать собой в обмен на одежду, обувь, жилье. Некоторым приходилось соглашаться на «благодарственный секс» с проводником, приведшим их в лес. По ночам на партизанские лагеря иногда совершали налеты, так что женщине необходимо было спать рядом с каким-нибудь защитником. Как жаловалась одна из партизанок: «Чтобы иметь хоть относительный покой днем, мне приходилось соглашаться на “отсутствие покоя” ночью». Процветала экономика по принципу «секс в обмен на защиту»: он защищает ее, она становится его девушкой. Одна еврейка вспоминала, что ей сразу же велели «выбрать себе офицера», другая писала, что один советский партизанский отряд «захватывал женщин специально для секса». «Изнасилованием я бы это не назвала, — добавляла она, — но это было весьма близко». Однажды командир этого отряда вошел в палатку, где она мылась вместе с другими девушками; одна из них бросила в него ведро с водой. Он открыл стрельбу. Многие женщины были вынуждены сходить с каким-нибудь мужчиной только для того, чтобы *другие* прекратили преследовать их.

Интимные отношения были сложными во многих отношениях. Во-первых, эти травмированные, скорбящие женщины и девушки совсем незадолго до того потеряли всю семью и не были склонны к романтике. Во-вторых, имели значение социально-классовые различия. В довоенной жизни городские еврейки имели образование и амбиции представительниц среднего класса. Партизаны же по большей части были неграмотными крестьянами. Городские мужчины из элиты общества в лесу были «бесполезны»; лишь сильный мужчина с ружьем обладал реальным статусом. Женщины вынуждены были не только скрывать свое еврейство, но и менять свои более космополитические убеждения, свое поведение и манеру речи.

Несмотря на все это, многие женщины становились «фронтовыми женами» командиров. Иногда вследствие этого рождалась настоящая любовь, чаще — нет. Аборты, которые делались без обезболивания, в землянках, были явлением заурядным. Капитан Фанни Соломян Лутц, еврейка, физиотерапевт по специальности, стала главным врачом партизанской бригады, базировавшейся под Пинском; она экспериментировала с травяными настоями, сделанными из растений, собранных в лесу, и сделала немало успешных аборт с использованием хинина, хотя неоднократно результатом становилась смерть на операционном столе.

Большинство еврейских женщин-партизан поступались своей идентичностью и полагались на мужчин. Имевшееся у них оружие конфисковывалось, их заставляли тачать кожаные сапоги для бойцов, стряпать и стирать, отчего у них шелушилась и трескалась кожа на руках. Стряпня в лесу тоже была нелегким занятием: женщинам приходилось заготавливать дрова для костра, носить воду и проявлять невероятную изобретательность в условиях скудных запасов провианта. В штабах отрядов женщины служили канцеляристками, стенографистками и переводчицами, небольшое количество женщин были врачами и медсестрами.

Встречались, однако, среди еврейских женщин и исключения: некоторые были спецагентами, разведчицами, фуражирами, перевозчицами оружия, диверсантами, поисковиками беглых военнопленных, а также полноправными лесными бойцами. Местные крестьяне испытывали шок, когда они появлялись — во всеоружии, с винтовками, а иногда и с детьми за спиной.

Фая Шульман, последовательница ортодоксального модернизма¹, была фотографом из города Ленин у восточной границы. От массового расстрела, в котором погибло 1850 евреев, в том числе ее семья, Фаю спасло ее «полезное ремесло» — ее заставили проявлять фотографии нацистских истязаний евреев. Сознавая, что и ее конец близок, Фая убежала в лес и умолила командира взять ее в партизанский отряд. Зная, что она — родственница врача, тот определил ее в медсестры. Фая совершенно не разбиралась в медицине, но быстро преодолела брезгливость и психологический надрыв. Кровь раненых казалась ей кровью ее матери и вызывала картины убийства каждого из членов ее семьи. Однако под руководством ветеринара она научилась делать операции — под открытым небом, на операционном столе, сооруженном из веток, используя водку, чтобы притупить боль у раненого, которому ей предстояло зубами отхватить палец; а однажды она таким же образом вскрыла собственную загноившуюся плоть, прежде чем кто-нибудь успел заметить, что у нее лихорадка, и избавиться от нее как от обузы. В свои девятнадцать лет Фая носила в себе свой собственный мир и была постоянно вынуждена принимать решения, чреватые выбором между жизнью и смертью.

Фая настояла на участии в боях и на совершении рейда мщения на ее родной город. «Нацисты засыпали общую могилу землей и песком, но даже спустя много дней после расстрела земля над ней шевелилась от оседавших тел; высохший верхний слой треснул, и сквозь трещину, словно из гигантской кровоточащей раны, сочилась кровь, — написала она впоследствии. — Я не могла стоять в стороне, когда кровь моих родных все еще проступала из засыпанного рва». Фая забрала из дому свою камеру, которую потом, в лесу, закапывала в землю, когда отправлялась на свои частые партизанские задания. Наряду с объективом ружье стало ее лучшим другом, и она по ночам обнимала его, как любовника, сознавая, насколько искорежила война ее сексуальное развитие. «Я лишилась юности самым болезненным образом, — вспоминала она. Фая любила танцевать, но с танцами было покончено. — Мою семью убили, подвергнув жестоким истязаниям. Я не могла позволить себе развлекаться и испытывать радость». Однажды она, очнувшись ото сна, увидела собственную винтовку, нацеленную ей в голову человеком, чьи притязания она отвергла (слава богу, кто-то из друзей разрядил ружье), но в целом она чувствовала себя как «один из тех мальчиков», с которыми ела из общего котла (каждый доставал ложку из своего сапога), делилась своей долей табака, набитого в самокрутку, пробиралась через напигигованные минами леса, и ей наряду с ними была оказана высшая военная почесть — казнить ударами штыков группу пойманных шпионов. (Фая намеренно опоздала на место казни, чтобы не участвовать в убийстве; она была отчаянно храброй, но жестокой — никогда.)

Все это время она скрывала свое еврейское происхождение, каждый раз во время Песях придумывая предлоги, чтобы есть в одиночестве. Только сорок лет спустя она призналась, что мужчина, который был ей небезразличен, игнорировал ее потому, что сам скрывал свое еврейство и боялся, как бы их связь не показалась подозрительной. Даже среди повстанцев приходилось постоянно таиться.

¹ Ортодоксальный модернизм — зародившееся в XIX веке течение иудаизма, которое пытается совместить еврейские традиционные ценности и следование законам Торы с достижениями современного светского мира.

* * *

Так было, пока ты не попадал в один из партизанских отрядов, состоявших полностью из евреев. Эти уникальные объединения обычно организовывались еврейскими активистами в самых густых лесах на востоке. Поначалу это были семейные лагеря, где прятались беженцы (знаменитый отряд Бельских¹, еврейское боевое соединение, насчитывавшее 1200 человек, принимал всех евреев), которые также совершали диверсионные акции. В отряде было гораздо больше женщин, некоторые из них ходили на всякого рода задания, другие несли караульную службу. Однажды в Рудникский лес² прибыла большая группа евреев, готовых к партизанским действиям. Это были товарищи из Вильно.

После подпольной встречи с Аббой Ковнером, на которой он отчеканил: «Мы не пойдем, как овцы, на убой», различные виленские еврейские движения быстро и охотно сомкнули свои ряды, образовав FPO³ — Объединенную партизанскую организацию. В качестве курьеров, организаторов и диверсантов в ней действовало большое количество женщин, в том числе товарищи из «Юного стража» Ружка Корчак и Витка Кемпнер.

Еще в 1939 году, когда Гитлер напал на Польшу, миниатюрная Ружка Корчак проделала триста миль по «подземной железной дороге»⁴, созданной для побега евреев, и добралась до Вильно. Там она поселилась в бывшей богадельне, где теперь помещалась тысяча подростков, беженцев-сионистов, ждавших алии, которую тогда еще можно было совершить из Вильно (город внезапно оказался под литовским правлением). Семья, школа, проблемы, мечты — ничто из старой жизни Ружки теперь не имело значения. Ее великолепная способность слушать собеседника и разрешать конфликты быстро сделала ее лидером.

Однажды утром, когда Ружка была поглощена чтением книги о социалистическом сионизме, к ней подошла жизнерадостная девушка с длинными ресницами и безупречным польским языком.

— Зачем тебе такая серьезная книга? — недовольно спросила она.

— Мир — серьезное место, — ответила Ружка.

В родном городе Ружки евреев было мало, и когда ее учительница в классе позволила себе антисемитское замечание, она замкнулась, стала робкой белой вороной, проводившей все свободное время в библиотеке.

— Я думаю, что не так уж он серьезен, — возразила девушка, которую звали Виткой. И добавила, что если даже и так, то: — Тем более не стоит читать серьезные книги.

Ее любимой книгой был «Граф Монте-Кристо».

Витка оказалась в Вильно после того как сбежала из своего маленького городка, выбравшись из окна уборной в синагоге, где нацисты заперли всех евреев. Будучи одной из лучших учениц еврейской школы, Витка первой из женщин вступила в «Бетар» и получила там «полувоенную» подготовку. Она считала себя польской патриоткой и успела поучаствовать в разных молодежных движениях, прежде чем остановилась на «Юном страже», но она никогда не была склонна к догматизму.

¹ Бельские — четыре брата (Тувья, Асаэль, Зусь и Арон), создавшие во время Второй мировой войны в Белоруссии еврейский партизанский отряд.

² Рудники — сельская гмина (волость) в Польше.

³ FPO — идишский акроним (польск. *Zjednoczona Organizacja Partyzancka*) Объединенной партизанской организации — подпольной еврейской антинацистской организации, действовавшей в виленском гетто.

⁴ Термин восходит к американской «Подземной железной дороге» (англ. *The Underground Railroad*) — так обозначалась тайная система переходов, применявшаяся в США для организации побегов и переброски негров-рабов из рабовладельческих штатов Юга на Север.

Ружка и Витка быстро сдружились. Ружке были свойственны принципиальность и сдержанность; Витке — неистребимое легкомыслие, несмотря на все потери. Однажды они заметили нескладного активиста «Юного стража», наблюдавшего за молодыми людьми. Шляпа у него была глубоко надвинута на лоб. Все считали его привлекательным, а Витка находила странным. Никто не решался подойти к нему. «Мне было интересно, почему никто с ним не разговаривает, — рассказывала потом Витка. — Неужели он такой страшный?» Она подошла к нему и поздоровалась. Это был Абба Ковнер.

Когда Вильно оккупировали русские, Витка сбежала, но вернулась, когда нацисты снова взяли город. Если немцы все равно везде, подумала она, то лучше быть там, где Ружка. Она ехала на попутке с каким-то нацистом, но когда призналась ему, что она еврейка, тот запаниковал и удрал от нее. Тогда она забралась в товарный поезд и, приехав в Вильно, бесстрашно пошла по тротуару, без желтой заезды. Ружка остолбенела, увидев ее.

— Ты сумасшедшая? Хочешь, чтобы тебя убили?

Вместе они перебрались в гетто, спали на одной кровати, всячески увиливали от широкомасштабных жестоких «акций» — однажды выдали себя за жен офицеров. Однажды «Юный страж» послал Витку на арийскую сторону. Ружка покрасила ей волосы, но цвет получился рыжий, тогда они заплатили еврейскому парикмахеру, чтобы он перекрасил ее, предварительно обесцветив волосы перекисью. По словам Ружки, «даже цвет волос не мог отвлечь внимание от ее длинноватого еврейского носа и типично еврейского взгляда». Несмотря на это, Витка была готова с безграничной уверенностью дурачить поляков. Дурачить немцев, заметила она, легко: «Немцы верят тому, что им говорят». Однажды, забыв взять свою желтую звезду, она прикрепила на рукав желтый осенний лист.

В декабре 1941 года ей поручили привести Аббу, который прятался в женском монастыре и был одет как монашка. Она привела его в гетто на встречу с Сарой, девушкой, выжившей в понарской бойне. Выслушав ее рассказ, он понял, что единственный выход — вооруженное восстание, созвал то самое знаменитое новогоднее собрание, инициировал создание FPO и поселился вместе с девушками. Все трое спали в одной кровати. «Я сплю посередине», — рассказывал Абба одному из бойцов. Они и по гетто ходили втроем — рука в руке, рука в руке, — возбуждая слухи о *menage a trois*¹. (Легенда гласит: когда кто-то спросил Витку, почему она присоединилась к Сопротивлению, она не задумываясь ответила: «Ради секса!»)

При активнейшем участии Витки и Ружки FPO накапливало оружие, камни и бутылки с серной кислотой. Стены своего штаба группа обложила «пуленепробиваемыми» томами Талмуда, ребята печатали на машинке призывы к сопротивлению и планировали восстание.

Потом Абба — в порядке декларации своей любви — послал Витку на прорывное задание. Ее задачей было взорвать немецкий состав с солдатами и боеприпасами. В течение двух недель она покидала гетто каждую ночь, изучая железнодорожное полотно в поисках наилучшего места для закладки бомбы: где-нибудь подальше от евреев, чтобы во время взрыва никто из них не пострадал и никого из них не обвинили и не подвергли наказанию, но в то же время близко к лесу, где диверсанты могли бы спрятаться, однако и не слишком далеко от гетто, чтобы Витка могла выйти из него и вернуться вовремя. Она очень тщательно изучила пути, обращая внимание на мельчайшие детали, поскольку диверсия должна была быть совершена в самый темный период ночи. Железная дорога охранялась немцами, для гражданских лиц доступ к ней был закрыт. Не раз Витку останавливали.

¹ Любовь втроем (*фр.*).

— Я просто ишу свой дом, — лгала она. — Я понятия не имела, что тут запрещено находиться.

Она отходила от доверчивого нациста и снова приближалась к полотну где-нибудь подальше.

Однажды, не сумев вернуться в гетто обычным путем, поскольку впереди лаяли собаки и уже настал комендантский час, Витка наткнулась на немецкий полигон. Ее чуть не застрелили. Тогда она, в слезах, притворившись заблудившейся, подошла к солдату. Тот сжалился и приказал двум другим солдатам проводить ее. Витка утверждала, что каждый раз, когда она попадает в опасную ситуацию, на нее нисходит «ледяное спокойствие», ощущение, будто она смотрит на происходящее со стороны, а потому может оценить обстоятельства и найти способ благополучно выкрутиться из них.

Теплой июльской ночью она покинула гетто вместе с двумя юношами и одной девушкой. Худенькая Витка обычно выскальзывала из гетто и возвращалась через узкие щели в стене, но на сей раз она повела своих спутников по крышам и дымоходам. Под куртками они несли пистолеты, гранаты и детонатор. Витка прятала за пазухой бомбу, сделанную Аббой из трубы. (Ружка была членом «Бумажной бригады» — группы, которая разыскивала и проносила в гетто еврейские книги для их сохранности. В библиотеке YIVO, виленского Еврейского научно-исследовательского института¹, она наткнулась на финскую брошюру, написанную в период, когда эта северная страна готовилась к русскому вторжению. В ней содержался курс ведения партизанской войны, в том числе способы изготовления бомб — даже с чертежами. Эта брошюра стала для них «книгой рецептов».)

Витка провела группу к самому подходящему месту, которое нашла заранее, в полной темноте, они прикрепили свою «штуковину» к рельсам, постоянно прислушиваясь, не идет ли поезд, после чего скрылись в лесу. Вдруг — несущийся локомотив и оранжевая вспышка, полыхнувшая до самого неба. Витка помчалась ко все еще двигавшемуся поезду, бросая гранаты. Поезд сошел с рельсов, перевернутые вагоны, дымясь, лежали на земле, паровоз свалился под откос. Немцы как безумные палили по лесу, спутница Витки была убита. Витка похоронила ее там же, в лесу, и помчалась обратно в гетто, чтобы успеть вернуться до рассвета. И хотя в предстоящее время подрыв нацистских поездов стал обычной партизанской практикой, тот Виткин взрыв был первым актом диверсии во всей оккупированной Европе.

Несколько дней спустя подпольная газета объявила, что польские партизаны взорвали нацистский состав, погибло более двухсот немецких солдат. Эсэсовцы в порядке возмездия расстреляли шестьдесят крестьян из окрестных деревень. «Я не чувствовала себя виноватой, — признавалась впоследствии Витка. — Я знала, что это не я убила тех людей, — это сделали немцы. На войне легко забываешь, кто есть кто».

После этого Витка постоянно выбиралась из гетто и возвращалась обратно, она помогла двумстам товарищам уйти в лес. Днями напролет она ходила по городу, проделывая десятки миль, выискивая места, где можно было незаметно провести группы евреев, иногда сама провожала такие группы. Но сначала вела их на кладбище, где в свежих могилах были зарыты пистолеты и гранаты. («Немцы ни одной живой души не пропускали через ворота [гетто], — однажды написала Ружка, — но мертвых выносить разрешалось».) Витка распределяла оружие между товарищами, объясняла дорогу, которую разведала для них, и каждого целовала на прощание. Сама она была одной из сотни бойцов FPO, остававшихся в гетто для того, чтобы вести борьбу. Как-то ее батальон попал в засаду. Среди немногих выживших оказалась Витка. «Она просто вышла из окружения небрежной уверенной походкой, словно направлялась куда-то по своим делам, — описывал впоследствии этот эпизод один из хроникеров. — Никто ее не остановил».

¹ YIVO — научно-исследовательский институт языка идиш, основанный в 1925 году в Вильно, в дальнейшем действовал в Польше, с 1940 года находится в Нью-Йорке.

Без поддержки еврейской общественности мечта FPO о большом восстании в гетто потерпела сокрушительное разочарование — было сделано всего несколько выстрелов. Организованные и возглавленные Виткой бойцы вышли из гетто по виленской канализационной системе и добрались до леса; они рвались в бой и вдохновлялись сменой тактики: от обороны к нападению. Абба стал командиром еврейской партизанской бригады, разделенной на четыре подразделения. Сам он возглавил группу «Мститель», Витка командовала своим разведывательным отрядом.

В лесу советские офицеры, с которыми сотрудничала их бригада, посоветовали Аббе устроить семейный лагерь и приючать в нем девушек, которые будут готовить и шить. Ковнер, не видевший разницы между мужчинами и женщинами, отказался: каждый, кто может сражаться, должен сражаться, сказал он. Любой может взять оружие из общего арсенала и получить шанс вернуть себе самоуважение. Кроме того, он видел беспримерную храбрость этих женщин. По словам Витки, Абба требовал, чтобы минимум одна девушка участвовала в выполнении каждого задания, хотя мужчинам это не нравилось — порой приходилось нести на себе около десяти килограммов взрывчатки на расстояние в тридцать миль, а большинству девушек это было не под силу.

Ружку вместе с четырьмя мужчинами отобрали для участия в первой проводившейся евреями диверсионной операции; им предстояло пройти сорок миль и взорвать склад вооружений. После возвращения в гетто, Ружка, чья спокойная, вызывающая доверие манера поведения снискала ей ласковое прозвище «сестричка», не только доставала и тайно проносила книги, но и вербовала бойцов, поддерживала в них энтузиазм и была вторым лицом в боевом отряде гетто. Абба считал: ее стойкость служит доказательством того, что участие женщин в их борьбе не напрасно.

Ружка и ее спутники двинулись в путь ранним вечером, мороз пробирал до костей, у каждого члена группы были пистолет и две гранаты. Хрупкая Ружка настояла на том, чтобы в очередь со всеми нести мину, весившую более двадцати двух килограммов. По обледелым тропинкам они дошли до речки, лед был тонким, было видно, как под ним течет вода. Отряду, со всем его снаряжением, предстояло переправиться на другой берег, осторожно ступая по перекинутому бревну. Ружка поскользнулась и упала в воду. Ухватившись за бревно, она сама взобралась на него обратно, несмотря на то, что ноги у нее онемели от холода и отяжелели от воды. Увидев, что она насквозь промокла, командир велел ей возвращаться в лагерь, чтобы не замерзнуть насмерть. Однако Ружка категорически отказалась, заявив: «Тебе придется всадить мне пулю в лоб, чтобы вывести меня из этой операции». Тогда, пройдя еще несколько миль, партизаны пробрались в какой-то крестьянский дом и украли сухую одежду для Ружки — это была мужская одежда, и Ружке пришлось закатать рукава и штанины, а в обувь натолкать носки. Потом они наставили оружие на хозяина дома, и тот указал им дорогу к месту, куда они направлялись. В результате их операции было убито пятьдесят немецких солдат и взорван немецкий склад оружия.

«Я помню первую засаду, которую мы устроили на немцев, так, словно это было вчера, — писала потом Ружка. — Величайшим счастьем для меня, с тех самых пор как разразилась война, был момент, когда я увидела валявшийся передо мной взорванный автомобиль с восемью убитыми немцами. Мы это сделали. И я, думавшая, что никогда уже больше не смогу радоваться, торжествовала». Ружка стала командиром патрульного подразделения.

Наряду с дерзкими боевыми обязанностями Ружка исполняла также и обязанности квартирмейстера. Партизанские лагеря различались в зависимости от их местоположения и от того, как долго они оставались на одном месте, некоторые из них представляли собой целые деревни землянок, с клубом, своим печатным станком, лазаретом, радиостанцией, кладбищем и «парной баней», где воду нагревали, погружая в нее раскаленные камни. Еду, обувь, одежду, покрывала и прочие запасы в основном воровали у крестьян, зачастую отбирали под дулами пистолетов. Еду готовили только

по ночам, чтобы дым от костра не выдал место их расположения. Украденные у жителей деревни емкости наполняли водой из речек и источников, которые нередко находились в нескольких часах ходьбы от лагеря. Зимой, чтобы иметь питьевую воду, растапливали снег и лед. Спали, укладываясь тесными рядами в замаскированных землянках — помещениях, выкопанных в земле, со стенами, укрепленными бревнами и ветками, с настилом из травы и листьев и с покатой «крышей», чтобы сверху их не завалило снегом. С воздуха и со стороны землянки выглядели как неровные участки земли, покрытые низким кустарником. Эти крепко построенные укрытия были перенаселены, воздух внутри был «гнилостный и вонючий».

В «Мстителях» Ружка курировала «здравоохранение». От недостатка витаминов в лагере процветали простуда, цинга, педикулез, пневмония, чесотка, рахит, воспаление десен и кожные язвы. (Однажды Витка кому-то одолжила свое пальто, и оно вернулось к ней кишасшим вшами. Она набросила его на лошадь, и все паразиты перебрались на животное.) Ружка организовала прачечную: дважды в неделю партизаны приносили свою одежду к яме, где ее кипятили в котле с водой и золой. Она определяла обморожения. Делила на порции хлеб, представлявший собой сокровище в условиях исключительно картофельно-мясного рациона, и раздавала его больным.

Лекарства, как и оружие, достать было трудно, то и другое приносили курьеры, совершавшие вылазки в Вильно. Миниатюрная, золотоволосая, голубоглазая Зельда Трегер была лучшей связной. В своей спокойной, но решительной манере она совершила восемнадцать вылазок из лесу в город — одна, по бездорожью, перебираясь через болота и озера. Зельду воспитывала мать — зубной врач, которая умерла, когда Зельде было четырнадцать лет. Зельда училась на воспитательницу детского сада. Но тут разразилась война, девочка убежала из гетто и нашла работу на ферме у одного поляка, который зарегистрировал ее как свою родственницу, дав ей таким образом официальный «христианский статус». Несколько месяцев спустя вследствие раны на руке у Зельды началось заражение, и она вернулась в гетто, где нашла своих товарищей по «Юному стражу» и вступила в FPO.

В силу своей внешности Зельда сразу стала связной, перевозила оружие в гробах или завернутым по-крестьянски в тюки. Она находила пути для побега бойцов в два разных леса (один находился на расстоянии 125 миль) и сопровождала группы, выходявшие из гетто. Она поучаствовала в малом восстании, потом помогала Витке руководить побегами через канализационную систему. Участвовала в спасении сотен евреев из рабочих лагерей и гетто, переправляя их в леса. Несколько раз попадалась, но всегда выкручивалась, зачастую представляясь наивной селянкой и всегда — набожной христианкой, которая навещала больную бабушку, или начинала запинаться, изображая умственно отсталую, или просто выхватывала свои документы и убегала.

Однажды в холодное зимнее воскресенье Зельда отправилась на задание по доставке оружия, надев свою меховую крестьянскую куртку и низко на лоб повязав платок. В корзине у нее лежали зашифрованные письма подпольщикам в городе. Она шла прямо по дороге, ведущей в город, с поднятой головой минуя патрули. Однако в город она прибыла поздно, и ей пришлось остановиться на ночлег у знакомой женщины-христианки. Одна из соседок попыталась шантажировать ее, но Зельда отшила ее. Пока Зельда разговаривала со своей хозяйкой, раздался стук в дверь. Сердце у девушки бешено заколотилось.

В дом вошел литовский полицейский в сопровождении немецкого солдата. Они потребовали показать удостоверение личности, Зельда предъявила свои фальшивые документы. Тем не менее это не рассеяло их подозрений, и они принялись обыскивать одежду Зельды. Нашли письмо из гетто.

— Так ты еврейка! — заорал немец и ударил ее по лицу. — Собирайся, пойдешь в гестапо.

Зельда рванула в соседнюю комнату, выпрыгнула из окна, скатилась с откоса и помчалась в темноту, но наткнулась на забор, залаяли собаки, за спиной у нее раздались выстрелы. Нацист схватил ее за руку и повалил на землю.

— Ты почему бежала?

— Пожалуйста, просто убейте меня, — взмолилась Зельда. — Я не выдержу пыток. Литовец шепнул ей:

— Останешься жива, если у тебя есть золото.

Зельда поняла: это шанс и пригласила их обратно в квартиру своей знакомой, выпить.

— Часть я дам вам сейчас, а остальное соберу у евреев и принесу позже, — пообещала она.

Держа за руки, военные повели ее в дом. Приятельница и ее дети были в истерике.

— Так вот она, твоя благодарность? — сердито спросила Зельду хозяйка. — Посмотри на этих детей, которые теперь останутся сиротами!

Стараясь не выказать страха, Зельда успокоила приятельницу, велела ей сесть за стол и предложила мужчинам выпивку. Немец выпил, попытался сам утихомирить детей и признался Зельде, что у него возлюбленная — еврейка.

— Я не хочу, чтобы евреи умирали, — пьяно бормотал он. — Но приказ есть приказ, и я должен тебя отвести. — Время его дежурства заканчивалось вместе с терпением. Он вывел Зельду на улицу. — Давай сюда твои деньги и беги, — шепнул он.

— У меня нет ни гроша, — призналась Зельда. — Завтра, обещаю, я достану.

Литовец, судя по всему, ей поверил и пообещал немцу, что на следующий день деньги ему передаст. Немец ушел, а литовец схватил Зельду за руку и потащил обратно в дом. Что ей оставалось, кроме как следовать за ним?

Однако как только они появились на пороге, хозяин закричал, что больше не впустит в дом никаких девушек, схватил топор и нацелил его в голову полицейского. Неразбериха. Бунт. Воспользовавшись ситуацией, Зельда выскользнула из дома и пряталась в непроглядно-темном саду, пока уставший искать ее офицер не сдался.

После чего отправилась дальше выполнять задание.

* * *

Советские партизаны вознамерились нанести серьезный урон хорошо укрепленному занятому немцами городу, но, хотя у них было оружие, им не хватало разведанных. Они обратились к Аббе Ковнеру с просьбой «одолжить им несколько еврейских девушек». Абба желал поменяться ролями: считая подобную операцию еврейской миссией, он сказал, что это русские должны дать им оружие. Вечером накануне Йом Кипура двое юношей и две девушки вышли из еврейского лагеря переодетые крестьянами. Одна из девушек — Витка — несла потрепанный деревенский чемодан. Внутри: магнитные бомбы замедленного действия, которые легко крепились к любой металлической поверхности.

Группа направилась в горы, окружавшие Вильно, и добралась до меховой фабрики в принудительно-трудовом лагере Кайлис, где все еще работало некоторое количество евреев, у которых они надеялись переночевать. Ребята переговорили с Соней Мадейскер, еврейской коммунисткой, блондинкой, которая жила в фабричном доме и являлась их единственной сохранившейся связью с виленским подпольем. Соня сообщила, что фабрику собираются вскоре закрыть, а всех евреев отправить на ликвидацию. Они хотели бежать в лес с помощью Витки.

Между тем партизанский командир уже едва справлялся с наплывом еврейских беженцев и попросил Витку не увеличивать их количество. У большинства беженцев не было военного опыта, они не умели обращаться с оружием и не горели желанием учиться. Они хотели просто переждать войну, но нуждались в пище и одежде. Витка объяснила это Соне и сказала, что пришла в город как солдат, а не как филантроп. Соня гневно бросила в ответ: если Витка не заберет людей, они умрут.

Но первым делом Витка должна была выполнить задание. Тем утром, затесавшись среди рабочих и тех, кто просто занимался своими делами, словно все было нормально, она, кипя от ненависти, определила подходящие мишени. Юноши, пришедшие вместе

с ней, должны были взорвать водохозяйственные сооружения (водопровод и канализацию), девушки — электрические трансформаторы (чтобы вырубить городское освещение). В сумерках молодые люди пролезли в коллекторы через люки и установили бомбы. Девушки вошли на территорию виленской фабрики по берегу реки. Гудевшие трансформаторы электросети были полностью открыты. Но Виткины мины, покрытые краской, не держались на них. Они соскальзывали, между тем как часовой механизм уже тикал. Витка до крови разодрала ногти, бешено соскребая ими краску. Девушки спрятались в тени, затаивая дыхание каждый раз, когда мимо проходил немецкий патруль. Операция заняла двадцать минут, но они выполнили задание. И юноши, и девушки установили таймеры на четыре часа.

Парни устали и изъявили желание переночевать на фабрике, но Витка резонно возразила: после взрыва меры безопасности будут усилены, и идти станет опасней. К тому же они подвергнут опасности жизни всех, кто работает на фабрике. Парни смеялись: немцам, мол, никогда и в голову не придет, что такую массированную диверсию могли устроить евреи. Препирательства продолжались; в конце концов Витка поняла, что время истекает, и велела Соне привести всех, кто готов бежать, — она возьмет их с собой в лес прямо сейчас. Мужчины остались.

Час спустя, когда Витка уже выводила по темным дорогам из города шестьдесят евреев, они слышали позади себя мощные взрывы, Вильно погрузился в темноту.

На следующий день двух спутников Витки поймали. «Мы ушли, — сказала Витка, — а ребята нет, потому что они устали. Мы тоже устали, но женщины оказались сильнее мужчин». Женщины, Витка это чувствовала, руководствовались моральными нормами. Они не только были такими же бойцами, как мужчины, но и никогда не позволяли себе проявлять слабость и редко искали оправдание, чтобы отказаться от дела. «Женщины были более выносливыми», — вспоминала она.

Спустя годы, объясняя, почему, невзирая на приказ командира, она увела за собой тех евреев с фабрики, Витка смущенно отвечала, что в то время рассуждала так: «А что он сможет сделать? Если шестьдесят евреев войдут в лагерь... они там уже и останутся. А я всего лишь нарушила приказ. Не велика трагедия!»

«Она не знала, что такое страх, ее сердце не ведало боязни, — сказала Ружка о Витке. — Она всегда была приветлива, полна энергии и идей».

Ружка, Витка, Зельда и остальные еврейские партизаны продолжали работать на протяжении всей трудной зимы 1943—1944 годов. Они научились ходить, не оставляя следов на снегу; иногда ходили задом наперед, чтобы создать впечатление, будто шли в противоположном направлении. Они взрывали транспорты и сооружения, изобретая для этого все более надежные типы взрывных устройств. В 1944 году еврейские партизаны самостоятельно взорвали пятьдесят один поезд, сотни автомашин, десятки мостов. Они, можно сказать, голыми руками валили телефонные и телеграфные столбы, рвали провода и разрушали железнодорожные пути. Абба проник на фабрику химикатов и поджег цистерны, при этом сгорел и близлежащий мост. Немцы не могли переправиться через покрытое тонким льдом озеро. Нацисты и евреи стояли на противоположных берегах и смотрели друг на друга, а ревущее пламя отражалось в глади льда между ними.

Однажды апрельским утром, как только встало солнце, Абба подошел к шутившим и смеявшимся девушкам с печальной улыбкой.

— Куда я должна идти? — спросила Витка, уловив его настроение.

Ее отправили в Вильно с воззванием к коммунистическому подполью города готовиться к восстанию, а также со списком необходимых медикаментов. По пути ей повстречался старый крестьянин, спросивший, можно ли ему пойти вместе с ней. Они перешли через мост, и тут крестьянин вдруг что-то шепнул охранявшему мост вместе с немецким солдатом литовцу. За Витку, партизанку и еврейку, полагалась приличная награда.

Витке велели предъявить документы. Литовец счел их поддельными. Немец возразил, что девушка — блондинка. Литовец ответил: «А у корней волосы черные». Он отметил также, что одежда ее кое-где закопчена сажей — явно от партизанского костра. И кончики ресниц обгорели.

Витка разорвала воззвание и развеяла по ветру клочки, но крестьянин собрал их и вручил солдатам. Те обыскали Витку и нашли список лекарств.

— Это для моих односельчан, — попыталась объяснить она. Но ее повезли в гестапо.

Сидя на заднем сиденье их конной повозки, Витка рассказывала о своем католическом детстве, не веря, что вот сейчас, здесь настанет ее конец: пытки, потом казнь. Может, лучше прыгнуть — и пусть ее убьют при попытке к бегству? Она следила за каждым ухабом на дороге, выжидая подходящий момент.

Но внезапно изменила тактику.

— Вы правы. Я еврейка и партизанка. И именно поэтому вы должны меня отпустить. — Она объяснила, что немцы проигрывают войну, и кто бы ни убил ее сейчас, вскоре будет убит сам. Кроме того, многие полицейские сотрудничают с партизанами. В штаб-квартире гестапо один из полицейских провел ее к боковому выходу, сунул в руку документы, предупредил, чтобы она никогда больше не пересекала мост, и выразил надежду когда-нибудь встретиться с ее командиром.

Когда, закупив лекарства на черном рынке и посидев в стоге сена, который прощупывали вилами, протыкая его в нескольких дюймах от ее головы, Витка вернулась в лагерь, она объявила, что это было ее последнее задание. «Просто чудо, что мне удалось вернуться, — сказала она, — но как долго человек может рассчитывать на чудо?»

* * *

Оказалось, не слишком долго. Иной раз чудо — не более чем мираж.

Через несколько дней, после того как вторая группа покинула Бендзин, чтобы присоединиться к партизанам, один из членов этой группы, некто Исаак из «Юного стража», вернулся. Его едва можно было узнать: лицо расцарапано, одежда превратилась в лохмотья, он едва держался на ногах и дрожал от страха. Реня была потрясена.

Исаак рассказал им, что случилось в тот жаркий июньский день:

«Мы вышли из гетто, сняли свои желтые звезды и, завидев первые деревья, разволновались и достали оружие, наша мечта убивать немцев вот-вот должна была начать сбываться... После того как мы провели в дороге шесть часов и стала опускаться ночь, Соха сказал нам, что опасности попасться в руки немцев больше нет и мы можем спокойно сесть и поесть. Он дал нам воды, а мы пребывали в эйфории от того, что вырвались из ужасного гетто. Он велел нам немного отдохнуть, перед тем как мы снова пустимся в дорогу, и пошел осмотреть окрестности.

И вдруг нас окружили. Военные на лошадях. И начали палить без разбору. Я сидел под кустом и сразу упал на землю, поэтому в меня не попали и мне удалось остаться в живых. Но всех остальных нацисты убили. Всех. Потом они зажгли фонари и обыскали трупы, забрали все, что было в карманах убитых. Я спрятался и неподвижно лежал под кустами. А после того как они уехали, выбрался и побежал».

Бендзинские товарищи не могли поверить своим ушам.

Значит, все было обманом. Соха, которому они доверились, продал их. Даже его квартира с плачущими детьми была инсценировкой. Несмотря на все свое искусство конспирации, члены ZOB'a не смогли разгадать вражескую шараду.

Их лучшие люди мертвы. Некоторые погибли во время ликвидации, а теперь это: двадцать пять душ из двух групп загублено. Осталось слишком мало народу, чтобы продолжать борьбу.

«Новость ошеломила нас, — напишет позднее Реня. — Все, что мы делали, потерпело крах».

Марек хотел покончить с собой. Обезумев от угрызений совести, он сбежал из гетто. Никто не видел, как он уходил.

Боль от этого предательства усугубилась потерей Хайки. Товарищи не знали, что незадолго до того один рабби тайно поженил Хайку и Давида. Давиду предлагали документы, позволявшие ему выезд из Польши, но он отказался. Став одним из командиров, он был решительно настроен сражаться вместе с мальчиками, которых тренировал, и нескольких из них взял с собой в лес, куда отправлялся с первой группой Сохи. «Он не спал, всё ковал и созидал, — рассказывала Хайка. — Вездесущий, он мечтал действовать». По крайней мере, утешала она себя, он не успел ни осознать, что случилось, ни испытать страдание».

Теперь Хайка стала вдовой, погрузившись в отчаяние и кипя гневом. Жажда мести охватила ее еще острее.

<...>

Через несколько недель после жуткого партизанского фиаско был арестован глава бендзинского юденрата. Реня знала, что это значит: гетто пришел конец. Им всем пришел конец.

Послесловие автора: в процессе исследований

Неудивительно, что, когда ведешь исследования по всему миру, используя источники, охватывающие десятилетия, континенты и алфавиты, сталкиваешься со всевозможными проблемами и головоломками.

Первичным источником материалов для этого проекта служили в основном воспоминания и свидетельства. Некоторые из них были устными, записанными на аудио или видео, некоторые — письменными — на иврите, идише, английском, польском, русском, немецком. Некоторые были переведены, некоторые представляли собой перевод с перевода, некоторые я переводила сама. Некоторые носили частный характер, некоторые являлись интервью, данными заинтересованному лицу. Некоторые были отредактированы и опубликованы (чаще всего небольшими академическими изданиями), факты в них выверены; другие были дневниками, неправомерными стенограммами свидетельских показаний, исполненных страсти, записями, сделанными авторами, рукой которых водила ярость. Некоторые были написаны сразу после войны или даже во время войны, тайно, и содержат ошибки, противоречивые подробности и недомолвки — что-то было автору просто неизвестно, или автор изменял что-то из соображений конспирации или под воздействием сильных эмоций. (Многим выжившим было слишком тяжело писать о смертях тех или иных людей.) Некоторые тексты были написаны быстро, горевшими пальцами, словно пишущий отчаянно хотел написать и забыть, из страха вполне вероятной поимки выплеснуть из себя поскорее пережитый опыт. Реня часто заменяла имена инициалами (сама она подписывалась — Реня К.), не сомневаюсь, что она делала это из соображений безопасности — она писала во время войны о секретных операциях подпольщиков, что было чудовищно рискованно, писала в то время, когда еще не знала, что станет с другими людьми; сама она постоянно ждала новостей о том, живы ли еще ее друзья и родные. Как многие ранние свидетельства, Ренины записи были сделаны из желания рассказать миру о том, что происходило, *объективно*, стараясь отрешиться от своей личной позиции. Характерно, что она использует местоимение «мы»: порой ей наверняка было трудно разграничить, относится ли это «мы» к ней самой, к ее семье, ее общине или к еврейскому народу в целом.

Другие свидетельства появились позднее, особенно в 1990-х годах, и хотя они часто обладают преимуществом глубины взгляда, приобретенной со временем, эти воспоминания могли подвергнуться влияниям современных течений, чужих

воспоминаний, вышедших за минувшие годы, и новых забот и целей, появившихся у выживших. Кое-кто утверждает, что глубоко травмированные люди стараются подавить многие воспоминания и что у людей, не прошедших через пытки в лагерях, память более четкая, — по слову Антека, «избыточная». Другие считают, что травмирующие воспоминания — наиболее острые, точные и беспощадные. Я сама досконально изучила сделанные наспех первичные свидетельства (статьи, письма, записные книжки) и беседовала с десятками членов семей — у каждого из них была своя версия событий, и зачастую они противоречили друг другу.

Память совершает кульбиты и многое искажает; воспоминания — не «холодные факты». В десятках и десятках воспоминаний всплывает множество разночтений: расходятся подробности событий, даты, места. Бывали случаи, когда один и тот же человек в течение многих лет свидетельствовал об одних и тех же событиях, и его собственные свидетельства существенно разнились с годами; порой я находила несоответствия в одном и том же тексте. Встречались различия в изначальных и вторичных источниках; например, ученые-биографы и историки рассматривали истории этих женщин отлично от того, что те писали сами. Порой разночтения в первичных источниках были интригующими — это касалось вопроса ответственности: кого считать виноватым. Там, где это было уместно, я старалась прояснить такие вопросы в примечаниях. Пыталась я и понять, откуда происходят эти противоречия, и сопоставить воспоминания с историческим анализом, дав перекрестные ссылки. Моей целью было представить версии, которые кажутся наиболее разумными и плодотворными. Иногда я объединяла подробности, добытые из многих источников, чтобы собрать полную картину и представить по возможности наиболее эмоционально достоверную и фактологически точную историю. Когда сомневалась, полагалась на свидетельства и утверждения своих героинь.

Описания чувств я старалась черпать непосредственно из источников. Мои реконструкции иногда усиливают чувства, которые описывает оригинальный текст; я принимала во внимание разные точки зрения на одно и то же событие, но в целом моя книга — не вымысел, она основана на тщательных исследованиях.

Хоть расхождения в повествованиях были интригующими, меня больше поражало невероятное количество совпадений. Источники, относящиеся к разным временам и местам, рассказывали одни и те же малоизвестные байки, описывали похожие ситуации и людей. Кроме того, что помогало докапываться до наибольшей достоверности, это было трогательно и волновало. Каждый раз, когда я рассматривала ту же историю через другой объектив, я узнавала больше, копала глубже, ощущала, будто я действительно получаю доступ в их вселенную. Все те молодые люди и их устремления были связаны и в прямом, и в переносном смысле.

Другая сложная проблема в подобных мультилингвистических исследованиях — имена и названия, людей и мест. У многих польских городов разные названия — славянские, немецкие, идишские: их постоянно переименовывали, в зависимости от смены правления. Выбор названия зачастую означает политический выбор — моих личных предпочтений в этом нет. Я по возможности использовала современные названия в английской транслитерации.

Что же касается имен, женщины в моей книге, как многие польские евреи, имеют и польские, и ивритские, и идишские имена и прозвища. У некоторых есть военные псевдонимы. Или даже несколько. Порой они представлялись другими людьми для получения документов на эмиграцию. (Обычно из Европы было легче выехать, если женщина была — фиктивно — замужем.) Потом они меняли свои имена, приспосабливаясь к той стране, в которой в конце концов оказывались. (Например: Владка Мид вначале была Фейгеле Пельтел. Имя Владка было ее польским подпольным псевдонимом, по мужу она была Меджирецкой, эта фамилия сократилась до Мид, когда они переехали в Нью-Йорк.) Я искала их славянские или ивритские имена в английских поисковых системах, пробуя разные комбинации латинских букв. Реню я

нашла в самых разных написаниях — Renia, Renya, Rania, Regina, Rivka, Renata, Renee, Irena и Irene; фамилия Кукелка имеет бесчисленное количество английских написаний, а на идише пишется как Kukelkohn; а кроме того существуют ее различные имена, указанные в фальшивых документах военных лет: Ванда Выдуховская, Глюк, Нейман. (Я потратила как минимум полдня, пытаясь определить, является ли связанная по имени Астрит тем же человеком, что и Астрид, Эстерит, А. и Зося Миллер, и пришла к заключению, что это одно и то же лицо.) А, сверх того, есть еще один пласт, осложняющий поиск: фамилия по мужу. «Реня Кукелка Гершкович» (написание может быть и Herscovitch, и Herskovitch, и Herzcovitz...) прошла через столько переименований, что легко могла ускользнуть от внимания, быть пропущенной, не быть занесенной в архивы, навсегда затеряться.

И, наверное, последний пример сложностей с именами: все три выживших представителя семьи Кукелков в конце концов оказались в Израиле под именами: Реня Гершкович, Цви Замир (*Zamir* на иврите означает «кукшка») и Аарон Клейнман — Аарон сменил фамилию, потому что в 1940-х годах сражался в Палестине, и эта фамилия была более «английской». Даже в пределах одной семьи различий не счесть.

И последнее слово о словах.

Для простоты вслед за Реней я использовала слово «полька» для обозначения польской гражданки нееврейского (христианского) происхождения; но евреи тоже были гражданами Польши, и мне приходилось порой подчеркивать различие просто для уточнения, а не для того чтобы раздувать его. По совету ученых из «Полин» — Музея истории польских евреев, — я пишу «антисемитизм» в одно слово; написание через дефис предполагает, что «семитизм» существует как расовая категория. Женщины в моей книге порой называют нацистов немцами, и я сохраняю это именование, поскольку то были немцы, с которыми они так или иначе контактировали; разумеется, существовали и немцы-антифашисты.

Некоторые ученые критиковали употребление термина «женщины-связные», или «курьеры». Слово *курьер*, утверждали они, умаляет их значение. Это звучит банально и пассивно, как «почтальон, разносящий письма». А эти женщины были чем угодно, только не просто почтальонами. Добытчицами оружия, контрабандистками, разведчицами и — по ивритской номинации — *кашариотами*, то есть соединительным звеном. Само курьерство (от французского слова *courir* — бежать) во время Холокоста было не менее опасным, чем сражение в рядах армии. Каждая еврейка, которую обнаруживали за пределами гетто или лагеря, наказывалась смертью. А эти женщины проводили месяцы, иногда годы, разъезжая по стране, перемещаясь из одного гетто в другое. Я читала записки одной связанной, которая предпринимала не менее 240 поездок... в неделю. Тем не менее, я решила использовать этот термин наряду с другими для описания их деятельности, чтобы мой текст не входил в противоречие с уже имеющимися исследованиями на эту тему.

Слово «девушки» тоже некоторые считают умаляющим их значение. Это были молодые женщины в возрасте чуть меньше или чуть больше двадцати лет, некоторые уже замужем. И снова я решила сохранить слово наряду со многими другими для описания Рени и ее соратниц. Так же, как слово «юноши» я использую для описания мужчин — участников Движения. Во-первых, этим я подчеркиваю их молодость. К тому же пишу я эту книгу в контексте, когда слово *девушки* приобрело и новый смысл и широко используется в дискуссиях о расширении женских прав и возможностей.

Редакция выражает благодарность автору и издательству АСТ, в котором книга готовится к выходу в свет, за любезное разрешение опубликовать небольшой фрагмент этого обширного документального повествования.